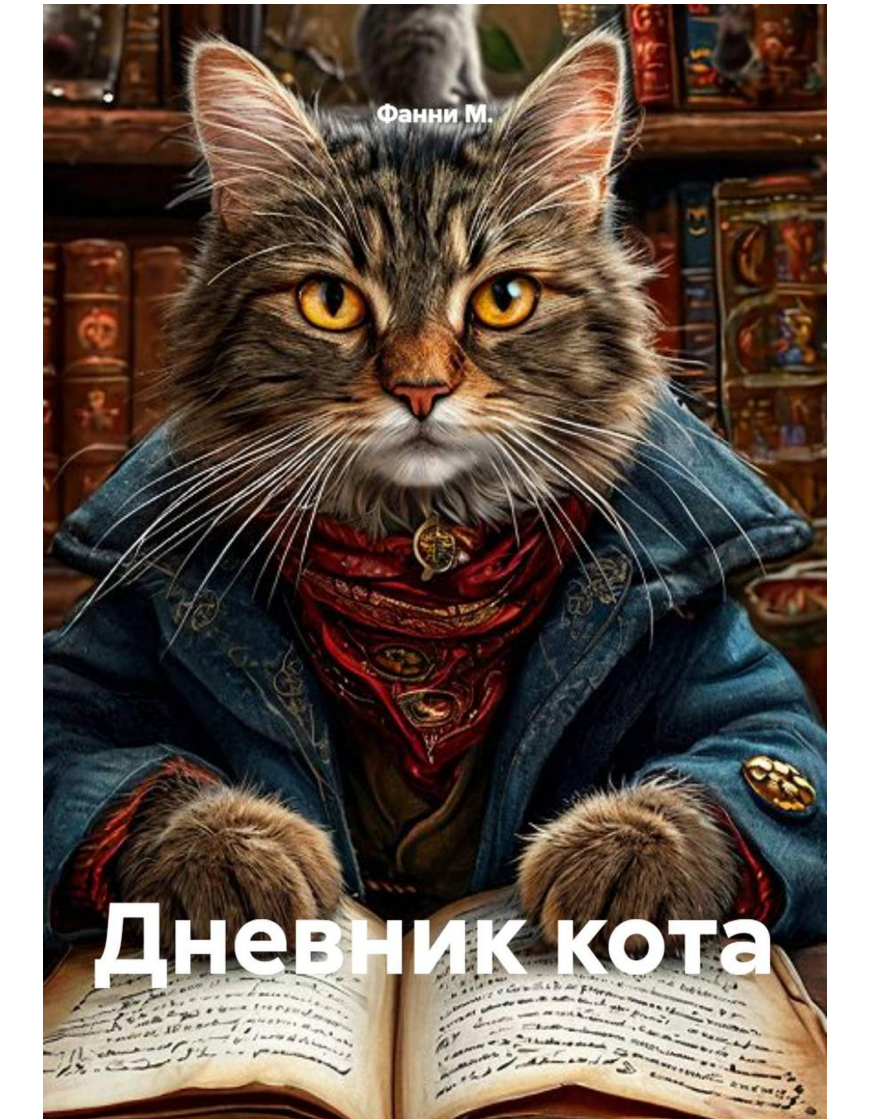




Фанни М.

Дневник кота

Фанни М.

Дневник кота

<https://litres.ru/74258267>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что делать, если ваш хозяин внезапно решает вести дневник от вашего имени, приписывая вам мысли о карме, чакрах и вселенской несправедливости корма с клюквой? Кот Граф, самопровозглашённый властелин квартиры, оказывается в эпицентре литературного безумия. От групповых медитаций до гастрономических ритуалов, от написания бестселлера до битвы с литературными критиками — жизнь кота превращается в череду комичных, нелепых, но удивительно тёплых событий. И пока хозяин пытается думать как кот, сам кот учится быть просто счастливым. История о том, что настоящая мудрость умещается в картонной коробке, а любовь — в полной миске.

Содержание

Глава 1. Хроники мягкого переворота, или Как я узнал, что мой холоп ведёт подрывную деятельность	4
Глава 2. В которой я узнаю, что энергетическое поле моего человека дырявое, как старый носок, а соседка боится моей просветлённой морды	27
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Фанни М.

Дневник кота

Глава 1. Хроники мягкого переворота, или Как я узнал, что мой холоп ведёт подрывную деятельность

Запись в дневнике, который я, возможно, порву когтями, как только научусь писать без помощи этого бездарного стенографиста.

Я, кот по имени Граф, урождённый Серым Нейтрино, властелин трёхкомнатной квартиры и прилегающего к ней балкона, нахожусь в состоянии крайнего недоумения. Сегодня утром я обнаружил, что мой человек ведёт дневник от моего имени. Это не просто дневник. Это — покушение на мою личность, клевета в особо циничной форме и попытка подменить моё великое кошачье «я» жалкой человеческой проекцией. Я должен это задокументировать, чтобы у будущих поколений котов (моих котят, которых у меня, по иронии судьбы, нет ввиду известного хирургического недоразумения) были доказательства того безумия, в котором живут их

домашние божества.

Всё началось, как и большинство катастроф в истории цивилизации, с самого обыкновенного утра. Если быть совсем точным, с того момента, который люди ошибочно называют «рассветом». Для нас, созданий тонкой душевной организации, рассвет — это не время суток, а состояние желудка. И сегодня мой рассвет был пустым. Чаша, которую мой хозяин, Алексей Петрович, инженер на удалённой работе и, по совместительству, мой личный обслуживающий персонал, имел наглость называть «миской премиум-класса», сияла стерильной чистотой фарфорового дна. На дне этом одиноко отражалась моя голодная, страдальческая морда.

Я, разумеется, предпринял все необходимые ритуальные действия для вызова божества, отвечающего за наполнение. Сначала я спел. Моя утренняя ария «Ода пустому желудку» отличается особой, берущей за душу тональностью. Я начинаю с низких, утробных вибраций, похожих на звук закипающего чайника, в котором плещется сама скорбь, и постепенно перехожу на высокий, пронзительный свист, способный, по моим расчётам, не только разбудить одного конкретного инженера, но и нарушить гравитационное поле в радиусе нескольких метров. Люстры должны звенеть. Это часть ритуала. Люстра звенела, но одеяло на кровати даже не шевельнулось. Мой холоп обладал крепостью нервной системы носорога.

Тогда я перешёл ко второй фазе: тактильной. Я спрыгнул

с подоконника, приземлившись на паркет с грацией падающего кирпича (я не толстый, у меня просто широкая кость, и эта кость требует пространства и уважения), и прошествовал в спальню. Алексей Петрович спал, раскинувшись в позе морской звезды, выброшенной на берег неудачной эволюции. Его лицо имело безмятежное выражение абсолютного идиотизма, свойственное всем людям во сне. Я запрыгнул на кровать, стараясь попасть всеми четырьмя лапами точно в область его солнечного сплетения. Приземление было идеальным. Алексей Петрович издал звук, похожий на «х-р-р-о-к-х», но глаз не открыл.

Тогда я применил секретное оружие. «Поцелуй жизни». Я подошёл к его лицу и легонько коснулся мокрым носом его левого века. Реакция была мгновенной. Человек взвился, как ужаленный, что, в общем-то, недалеко от истины. Моё прикосновение по своей пробуждающей силе сравнимо с электрошокером.

— Граф! Ну сколько можно?! — простонал он, глядя на меня мутными глазами. — Воскресенье же!

Воскресенье. Какое нелепое, пустое слово. Разве желудок знает о ваших человеческих «воскресеньях»? Разве мои вибриссы улавливают вибрации календаря? Голод — это состояние вне времени и пространства. Это фундаментальная константа вселенной.

Я не удостоил его ответом, лишь повернулся и прошествовал, задрав хвост, в сторону кухни, всем своим видом показывая, что дальнейшие переговоры будут вестись только через уполномоченного представителя, то есть через наполненную миску.

Алексей, шаркая тапками, поплёлся за мной. Я слышал, как он зевает, как чешет затылок, как бормочет что-то нечленораздельное о кофе. Кофе! Меня всегда возмущала эта человеческая одержимость коричневой водой. Когда я хочу взбодриться, я просто смотрю в окно на голубей. Это естественный, природный энергетик, за которым не нужно стоять в очереди к кофемашине. Итак, мой человек налил себе кружку этой бурды, сделал глоток и только после этого соизволил обратить свой взор на мою кормовую зону. И тут случилось предательство.

— Ого, — сказал он, открывая шкафчик. — А у нас, оказывается, новая партия корма. С лососем и клюквой. Ну-ка, попробуем.

Я насторожился. Зрачки мои сузились в щёлочки, трансформируя мою обычно благодушную физиономию в маску сурового восточного деспота. «С лососем и клюквой». Звучит как угроза. Лосось я уважаю. Это благородная рыба. Я видел её по телевизору в передаче про дикую природу Аляски. Она плывёт против течения, преодолевая пороги, что-

бы дать жизнь потомству и быть съеденной медведем. Это трагическая и величественная судьба. Но клюква? Что такое клюква? Это красная кислая ягода, которая растёт на болоте. Я никогда не был на болоте, но интуиция подсказывает мне, что это место, где сыро, холодно и нет никакой достойной еды. При чём здесь клюква? Это кулинарное извращение! Это всё равно что предложить человеку борщ с мармеладными мишками. Но человеку, видимо, эта аналогия в голову не пришла. Он с хрустом разорвал пакет, и кухню заполнил запах. Я принюхался. Пахло... подозрительно. В запахе был лосось, это правда, но его перебивала какая-то сладковатая, тошнотворная нота. Нота триумфа неразумной ягоды над благородной рыбой.

Он насыпал мне полную миску этих красно-коричневых гранул, украшенных, к моему ужасу, маленькими розовыми сердечками. Сердечками! Мой корм пытается выражать мне свои чувства в то время, как я пытаюсь его съесть! Это верх пищевого цинизма. Я подошёл к миске. Долго смотрел на содержимое. Потом поднял взгляд на своего хозяина. В этом взгляде я постарался выразить всю скорбь еврейского народа, уходящего в пустыню, всю трагедию брошенных детей и лёгкое презрение к его новой стрижке. Человек, казалось, не проникся.

— Ешь, гурман, — хмыкнул он и уселся за свой рабочий стол, который стоял в углу гостиной. — Дорогуший, между

прочим.

Я не притронулся к еде. Принципы важнее насыщения. Я сел рядом с миской, приняв позу статуи скорбящего фараона, и замер. Я мог просидеть так час, два, целую вечность, пока подлый дух клюквы не выветрится из этих гранул, или пока у моего холопа не проснётся совесть. Но совесть у Алексея Петровича, очевидно, спала вечным сном. Он включил ноутбук, и в его глазах загорелся тот тусклый, отсутствующий огонёк, который появляется у людей, когда они смотрят в светящийся прямоугольник. Я знал, что сейчас начнётся. Сейчас он начнёт стучать пальцами по клавишам, создавая шум, который меня всегда раздражал своим однообразием и полной бессмысленностью. Зачем стучать по пластмассе, если можно просто лежать на солнце? Вопрос риторический.

Но сегодня всё было иначе. Сегодня у него в руках была ещё и ручка. И толстая тетрадь в кожаном переплёте, которую я раньше никогда не видел. Это был новый артефакт. Я наострил уши. Новые предметы в моём ареале обитания подлежат обязательному досмотру, обнюхиванию и, при благоприятном исходе, присвоению. Тетрадь пахла кожей, типографской краской и... намерением. Да, у намерений есть запах. Это был запах человека, который задумал какую-то глупость. Я почувствовал это спинным мозгом.

Человек открыл тетрадь на первой странице, покрутил в пальцах ручку, посмотрел на меня долгим, задумчивым взглядом, от которого у меня чуть не зачесалось под хво-

стом, и начал писать. Он писал не быстро, как за компьютером, а медленно, с каким-то противным старанием, иногда останавливаясь и глядя в потолок. Меня это заинтриговало. Что он там такое творит? Техническое задание? Письмо в налоговую? Список продуктов? Нет, для списка продуктов он слишком часто на меня смотрел. И слишком мерзко при этом ухмылялся. Я, стараясь сохранять невозмутимость, начал медленное, гипнотическое движение в его сторону. Сначала я прошёлся по подоконнику, делая вид, что меня заинтересовал пролетающий за окном тополиный пух. Затем перетёк на спинку дивана, где прошёлся, балансируя, словно канатоходец над пропастью, до самого её края. Отсюда, с высоты диванной спинки, открывался стратегический вид на его стол.

Я вытянул шею. Почерк у Алексея был, как обычно, отвратительный, но отдельные слова мне удалось разобрать. И эти слова мне абсолютно не понравились. Там было написано: «Дневник кота Графа». И дальше, чуть ниже: «Запись первая. О несправедливости бытия и предательской клюкве». Я замер. В голове у меня что-то щёлкнуло. Дневник. Кота. Графа. Мой дневник? Он пишет мой дневник? От первого лица? Этот человек, который даже не может отличить голубиное курлыканье от брачного призыва, который думает, что солнечный зайчик — это просто пятно света, а не портал в параллельную вселенную, который посягнул на святое — на мои мысли? Сначала клюква в еде, а теперь вторжение в

моё сознание. Это была война.

Я грациозно спрыгнул с дивана прямо на стол, стараясь приземлиться на клавиатуру ноутбука, чтобы закрыть какой-нибудь важный файл без сохранения. Это мелочная, но приятная диверсия.

— Граф! Уйди! — закричал он, отпихивая меня от компьютера. — Ты мне сейчас всё удалишь!

Я отошёл, но не ушёл. Я сел на угол стола, прямо на его тетрадь, заняв стратегически важную позицию. Мой хвост нервно подрагивал, выдавая моё внутреннее негодование. Я в упор смотрел на то, как его рука выводит эти каракули. И то, что я читал, пусть и урывками, путаясь в его почерке, свёргало меня в пучину негодования.

«Сегодня мой так называемый хозяин, — прочитал я, и от слова «хозяин» меня передёрнуло, — опять проявил вопиющую кулинарную бестактность. Он насыпал в мою персональную миску, которую я великодушно позволяю использовать, нечто, по цвету и запаху напоминающее переработанные осенние листья с привкусом парфюмерной композиции "Бабушкин компот"...» Я фыркнул. «Бабушкин компот»! Какая пошлость. Я бы никогда не сравнил этот запах с компотом. Скорее с прокисшим вареньем, которое забыли на чердаке заброшенной дачи, где водятся призраки и мошь. Но в целом, мысль была верной. Он продолжал: «Я смотрел

на эту кучку корма, украшенного идиотскими сердечками, и думал о тщете всего сущего. Человек, стоящий надо мной с кружкой кофе, искренне полагает, что я должен радоваться этому пищевому недоразумению. Ему не понять, что каждое такое сердечко — это гвоздь в крышку гроба моего к нему доверия...»

Я перевёл взгляд с тетради на его лицо. Алексей, заметив мой интерес, широко улыбнулся.

— Что, нравится? — спросил он с интонацией палача, показывающего жертве орудие пытки. — Я решил вести дневник от твоего имени. Хочу понять, как ты мыслишь. Понять твою душу.

Понять мою душу? Моя душа — это потёмки, в которые не стоит соваться даже с фонарём. Это лабиринт из охотничьих инстинктов, презрения к человечеству и любви к тёплым батареям. Что он может там понять? Он, который боится пауков и не может вылизать собственную пятку?

Я снова опустил взгляд на дневник. Он, тем временем, писал дальше, и от его писанины у меня начинали дёргаться усы. «...мой человек, которого я в частном порядке называю Большим Неуклюжим Пальцем, считает, что его утренние почесушки за ухом являются актом высшего благоволения. На самом деле, это грубое нарушение моего суверенитета. Я позволяю ему это только потому, что у меня за ухом

иногда чешется, а сам я достать туда лапой не могу без риска вывихнуть плечо. Я использую его. Как он использует открывалку для консервов. И когда он, глупо улыбаясь, называет меня "своим сладким пирожочком", я представляю, как прыгаю на его лицо с разбега».

Я был потрясён. Не самими мыслями — эти мысли я действительно иногда думаю, особенно когда он перебарщивает с сюсюканьем. Меня потрясла наглость их публикации. Он вытаскивает мои самые сокровенные, самые интимные мысли наружу, делает их достоянием бумаги! А бумага, как известно, всё стерпит, но она же может попасться на глаза кому угодно! Соседке Марье Ивановне, которая заходит за солью и всегда смотрит на меня с подозрением! Почтальону! Его маме, которая приезжает раз в месяц и от которой пахнет корвалолом и пассивной агрессией! Если его мама прочитает мои мысли о том, что её духи напоминают мне жидкость для снятия лака, разразится скандал вселенского масштаба!

Я решил, что должен это прекратить. Я протянул лапу и мягко, но настойчиво положил её на пишущую руку Алексея. Когти я не выпускал. Это был жест доброй воли, последнее предупреждение перед началом боевых действий.

— Что, Граф? Хочешь что-то добавить? — спросил он, не понимая всей глубины своего падения.

Я выразительно посмотрел на ручку, потом на тетрадь, по-

том ему в глаза. Мой взгляд говорил: «Остановись, пока не поздно. Ты вступаешь на тонкий лёд, под которым бездна чужих, кошачьих, непонятных тебе переживаний». Но он не понял. Он отвёл мою лапу в сторону и потрепал меня по голове. Потрепал! По голове! Как какого-то плюшевого медведя! Я оскорбился и отошёл в глубь стола, демонстративно повернувшись к нему спиной. Но уши мои продолжали двигаться, как локаторы, ловя каждое его движение. Он писал дальше.

«... Отдельная тема для моей кошачьей философии — это понятие "прогулка". Мой Большой Неуклюжий Палец искренне верит, что вывести меня на десять минут в парк под присмотром, на этой унижительной сбруе, которую они называют "шлейкой", — значит удовлетворить мои потребности в познании мира. О, святая простота! Прогулка для него — это гигиеническая процедура. А для меня — это экспедиция в неизведанное. Каждый листик, каждый камушек, каждая муха на травинке — это целая вселенная. И когда он, через десять минут, начинает дёргать поводок и приговаривать противным голосом: "Ну всё, Граф, домой, меня там комары едят", — я испытываю чувство глубокой, вселенской несправедливости. Комары едят его, а страдаю я. Где логика? Где справедливость? Человек, которого едят комары, сам виноват в том, что у него нет шерсти и его кровь, очевидно, невкусная. Я бы на месте комаров тоже предпочёл его. Моя кровь, смею заметить, имеет благородный оттенок элитного

питания. Я бы не стал мараить свой хоботок о какого-то инженера, когда рядом сидит кот-гедонист...»

В этом месте я невольно издал одобрителный чих. Против моей воли, он ухватил суть. Мои прогулки — это действительно больная тема. Парк был для меня всем. Это был портал в мир запахов и звуков. Там, в корнях старого дуба, жила мышь, с которой у нас было что-то вроде заочной философской дискуссии. Я никогда её не видел, но я чувствовал её присутствие. И каждый раз, когда меня уводили из парка до того, как я успевал насладиться её запахом в полной мере, я чувствовал горечь несостоявшегося диалога. Я прыгал на подоконник и долго смотрел в окно, представляя, как она там, в своей норе, пишет ответ на моё последнее послание, оставленное на травинке.

Он перевернул страницу. Я понял, что это не сиюминутный каприз. Это серьёзный, долгосрочный проект. Он начал писать что-то ещё. «Размышления о коробке». Я наострил уши ещё сильнее. Коробка из-под обуви, которую он выбросил на прошлой неделе, была священным объектом. Это был храм, крепость и космический корабль в одном предмете. Он стоял в прихожей ровно четыре дня, и эти четыре дня я был счастлив. А потом он выбросил её, сказав, что «она занимает много места». Место! Что он понимает о месте? Коробка не занимала место, она его организовывала! Она была точкой сборки всей квартиры. Без неё пространство прихожей снова стало плоским, безжизненным, двумерным.

Я начал читать его интерпретацию моей любви к коробке, и меня накрыла новая волна противоречивых чувств. «... Мой человек сегодня совершил акт вандализма, сравнимый по своим масштабам с разрушением Александрийской библиотеки или сожжением храма Артемиды. Он выбросил мою коробку. Она стояла в прихожей, этакая скромная картонная обитель, но для меня это был портал в измерение абсолютной безопасности. В коробке я был не просто котом, я был идеей кота. Меня не существовало для внешнего мира, и внешний мир не существовал для меня. Мы с коробкой были единым целым, космическим объектом, замкнутой системой, противостоящей энтропии бытия. Когда я сидел в коробке и смотрел на мир через её прямоугольный проём, я был режиссёром, а мир — моим послушным фильмом. Я мог остановить показ в любой момент, просто спрятав голову за картонный край. И вот, этот фильм закрыли по требованию спонсора, не спросив режиссёра. Я уверен, что человек сделал это из зависти. Ему никогда не понять кайфа пребывания в картонной коробке. Его тело слишком громоздкое, а дух слишком слаб, чтобы ощутить всю полноту этого компактного бытия. Теперь я сижу на том месте, где она стояла, и смотрю в пустоту. И пустота смотрит на меня...»

Алексей поставил точку, перечитал написанное и самодовольно хмыкнул. Он снял очки, протёр их и снова посмотрел на меня.

— Ну что, Граф, как тебе такое погружение в твой внутренний мир? — спросил он с видом профессора, поставившего удачный эксперимент.

Я молчал. Я был слишком ошеломлён, чтобы мявкать. Погружение! Он называет это погружением? Это всё равно что пытаться описать вкус устрицы, жуя пластиковую упаковку от неё. Он поймал внешнюю форму, но полностью упустил суть. Его кошачье «я» было слишком человеческим, слишком рациональным, слишком логичным. Там, где у меня был океан инстинктов, мистических предчувствий и тактильных галлюцинаций, у него была жалкая схема, пародия.

Я подошёл к краю стола и заглянул в его записи. Он уже начал писать что-то новое. Это называлось: «Ода старому дивану, или почему точить когти о новую мебель — это священный долг». Я начал читать, и внутри меня всё похолодело. Он писал о том, как я «...с методичностью опытного хирурга-ортопеда разрушаю молекулярную структуру нового дивана, превращая дорогую обивку в лохмотья, достойные украшать хижину отшельника...». И дальше: «...Человек кричит на меня, брызгает водой из пульверизатора, но он не понимает, что это не вандализм, а перформанс. Это реконструкция моего исторического наследия. Мои предки точили когти о кору баобабов, а что у меня есть? Искусственная замша цвета "мокрый асфальт"? Это оскорбление моей природы. Я возвращаю дивану его аутентичную, дикую сущ-

ность, вытаскиваю из-под слоя цивилизации его первобытную душу...»

В этом месте я почувствовал, что мои собственные мысли начинают путаться с его текстом. Потому что я действительно точил когти о диван. И когда я это делал, я представлял себе саванну. Я чувствовал запах сухой травы и слышал рык далёких, неизвестных мне, но величественных зверей. И когда мой коготь с хрустом входил в податливую ткань обивки, это был мой личный рык, мой манифест свободы. Так он угадал? Или он просто прочитал что-то в умной книжке по психологии кошек? Я почувствовал себя голым.словно с меня содрали шкуру и выставили на всеобщее обозрение мои трепещущие внутренности.

Это было неприемлемо.

Я должен был что-то предпринять. Я не мог позволить какому-то инженеру, пусть даже и моему собственному, присвоить мою идентичность. Внезапно меня осенило. Я решил провести следственный эксперимент. Если он так хорошо меня знает, сможет ли он предсказать моё поведение в нестандартной ситуации? Я спрыгнул со стола и направился в угол комнаты, где стоял большой фикус в кадке. Это был мой старый враг. Алексей его обожал, поливал, что-то шептал ему, протирал листья влажной тряпочкой. Я же считал фикус главным конкурентом за ресурсы. Алексей мог одновременно гладить либо меня, либо лист фикуса. И иногда, в приступе безумия, я видел, как он смотрит на фикус с той

же нежностью, что и на меня. Это было невыносимо.

Я подошёл к кадке. Земля была влажной. Я оглянулся на Алексея. Он, заметив мои манёвры, даже отложил ручку. В его глазах загорелся нехороший огонёк. Я запрыгнул на бортик кадки. Моя задняя лапа соскользнула, и я чуть не навернулся, но удержался, вцепившись когтями в ствол фикуса. Бедное растение вздрогнуло. Алексей привстал.

— Граф, даже не думай, — сказал он предостерегающим тоном.

Я посмотрел на него. В моём взгляде читался вопрос: «Угадаешь, что я сделаю дальше, о великий знаток кошачьих душ?» Я начал ритмично грести землю из кадки задней лапой. Комья земли полетели на паркет. Я делал это не спеша, с чувством, с толком, с расстановкой, глядя ему прямо в глаза. Это был акт чистого, незамутнённого терроризма.

— Ах ты ж, зараза! — завопил Алексей, вскакивая и бросаясь ко мне. — Фу! Нельзя!

Я спрыгнул с кадки и, уворачиваясь от его рук, метнулся в сторону кухни. Он бросился за мной, поскользнувшись на комке земли. Я ждал этого. Я знал физику, я знал паркет, я знал коэффициент трения его тапок. Пока он восстанавливал равновесие, я уже был на кухне. Мой план, созревший

за долю секунды, был многоходовым. Я подбежал к своей миске с нетронутой клюквенной дрянью и, сделав страшные глаза, издал первый позыв к рвоте. Это был блеф, но блеф гениальный. Я напряг живот, издал характерный утробный звук «хр-р-р-к-х-х» и принял позу, предшествующую процессу очищения желудка.

— Нет! Граф, не смей на паркет! — закричал он в ужасе и бросился за мной.

Как только он приблизился, я рванул обратно в гостиную. Путь мой лежал напрямик к столу, где лежала открытая тетрадь. На бегу я сбил стопку книг, лежащую на журнальном столике. Грохот был ужасный. Человек запнулся о рассыпавшиеся книги и взвыл. Он ковылял ко мне, потирая ушибленное колено, с лицом, искажённым болью и гневом. Я был уже на столе. Я стоял ровно над раскрытой тетрадью. Моя цель была проста: я собирался наложить на его «Дневник кота» свою резолюцию в виде тёплой, ароматной лужи. Вот это был бы настоящий комментарий к его писательскому таланту. Вот это была бы настоящая кошачья критика.

Но в тот момент, когда я уже начал пристраиваться, прицеливаясь хвостом и выбирая самый раздражающий его угол обзора, мои глаза снова выхватили несколько строк из написанного. Он писал новый абзац, прямо под «Одой дивану». И там было что-то о... одиночестве. Я остановился. Мои мышцы, готовые к акту возмездия, расслабились. Я вчитался.

«...Иногда, когда я смотрю на своего человека, я вижу не просто Большого Пальца, открывающего мне консервы. Я вижу одиночество. У него нет шерсти, нет хвоста, он не умеет мурчать и не видит в темноте. Он живёт в мире плоских картинок и громких, пустых звуков. И ему нужен я. Не только для того, чтобы убирать мой лоток, но для того, чтобы быть его якорем в реальности. Когда он чешет меня за ухом, его пульс замедляется. Когда я мурлыкаю, сидя у него на коленях, его давление приходит в норму. Я его личный лекарь, его психотерапевт, его маленький мохнатый Будда. Но он никогда не узнает, что когда я лежу, свернувшись клубком у его бока, и слушаю ночную тишину, я делаю это не только ради себя. Я охраняю его сон от злых духов ночи, которых он по своей человеческой слепоте даже не видит. Духов, которые живут за окном, в темноте, и боятся только одного: моего пристального взгляда. Так что, когда он задерживается на работе или на своих глупых свиданиях, я переживаю не столько за свой ужин, сколько за его энергетическое поле, которое остаётся без моей защиты...»

Я прочитал это, и в моём горле что-то застряло. Комок шерсти? Нет. Комок чувств. Это было... красиво. Это было неправдой, но красивой неправдой. Я никогда не думал о его энергетическом поле. Я думал о том, почему он так долго не идёт и не пора ли уже грызть его зарядку от ноутбука. Но в том, что он написал, была какая-то высшая правда,

правда, которую я не мог сформулировать сам. Он, сам того не ведая, приписал мне мотивы, которые возвышали меня в моих собственных глазах. Оказывается, я не просто квартирный нахлебник с гастрономическими претензиями. Я — страж, хранитель снов, мохнатый Будда. От осознания этого моя грудная клетка расширилась, шерсть на загривке встала дыбом, и я почувствовал, как по телу разливается тепло гордости.

В этот самый момент Алексей догнал меня. Он схватил меня поперёк туловища и оттащил от стола.

— Всё, дебошир! — сказал он, запыхавшись. — Будешь сидеть в коридоре и думать о своём поведении.

Обычно я в таких случаях возмущённо ору, вырываюсь и делаю вид, что сейчас умру от разрыва сердца. Но в этот раз я не сопротивлялся. Я позволил ему вынести себя в коридор и закрыть дверь в комнату. Я остался один в полумраке прихожей, на том самом месте, где раньше стояла моя коробка.

И тут со мной произошла странная вещь. Я начал думать не как кот, у которого отобрали еду, а как тот кот из дневника. Я взглянул на закрытую дверь, за которой слышалось сердитое сопение Алексея, наводящего порядок. И вместо того чтобы обидеться, я вдруг подумал: «Бедный мой Большой Палец. Он злится, его давление подскочило, и его энергетическое поле сейчас, наверное, в полном беспорядке. А я

сiju здесь и не могу его защитить». Эта мысль была чужеродной, как та самая клюква в корме, но она засела во мне. Мне стало его жалко. Жалко по-человечески, что ли. Это было ужасное, унижительное чувство.

Я подошёл к щели под дверь и лег на пол, просунув под дверь одну лапу. Это был мой фирменный жест. Так я делал, когда хотел показать, что не держу зла. Обычно это был трюк, манипуляция. Но сейчас я чувствовал, что это идёт откуда-то изнутри. Я услышал шаги. Дверь приоткрылась. Алексей посмотрел на мою лапу, торчащую из-под двери, и его лицо смягчилось.

— Ладно, чудовище, выходи, — пробормотал он, открывая дверь. — Только без глупостей.

Я вышел с достоинством сдавшегося, но не побеждённого генерала. Прошёл в комнату, запрыгнул на диван и начал вылизываться, делая вид, что ничего не произошло. Алексей вернулся к столу, закрыл тетрадь и убрал её в ящик. Но я-то знал, что она там. Моя жизнь только что разделилась на «до» и «после». Мой человек решил вести хронику моей души, и, кажется, он делает это лучше меня самого. Он создаёт мой образ, и этот образ начинает влиять на оригинал. Это было самое настоящее вторжение, мягкий переворот, тихая оккупация моего сознания. И я пока не знал, как к этому относиться. Стоит ли мне бороться с этим или просто плыть по течению и позволить ему додумывать за меня красивые

мысли о моём величии?

Пока он наливал себе новую кружку кофе, я спрыгнул с дивана и подошёл к миске с кормом. Гранулы с сердечками и привкусом клюквы всё ещё лежали там. Я понюхал их. Запах всё ещё был отвратительным. Но что-то изменилось. Я вспомнил строчку из его дневника: «Человек, стоящий над мной с кружкой кофе, искренне полагает, что я должен радоваться этому пищевому недоразумению». Он ошибался. Я не должен радоваться. Но Алексей Петрович, этот глупый, одинокий человек с нарушенным энергетическим полем, действительно искренне верил, что делает мне хорошо. Он купил этот корм, потому что на пачке был нарисован лосось, и он подумал, что я это оценю. Он не знал о клюкве. Он просто Большой Неуклюжий Палец. И он только что назвал меня Буддой.

Я вздохнул. Тяжело быть божеством. Ещё тяжелее быть божеством, чей аватар сидит перед тобой и пишет про тебя глупые и трогательные вещи. Я наклонил голову и, стараясь не вдыхать носом этот ужасный ягодный дух, съел одну гранулу. Потом вторую. Сердечко хрустнуло на зубах, и оказалось, что если не нюхать, а просто глотать, то вкус почти как у обычного корма. Почти.

Удовлетворённый Алексей, увидев, что я ем, просиял и потрепал меня по холке.

— Вот видишь, гурман, а ты выделялся! — сказал он.

Я не ответил. Я ел эту гадость и думал о том, что, возможно, быть понятым — это не всегда плохо. Даже если тебя понимают неправильно. Даже если это понимание изложено корявым почерком в дурацкой тетради. Главное, что он пытается. И пока он пытается, у меня есть над ним власть. А власть, как известно, слаще самого отборного лосося. Даже если его посыпали клюквой.

Вечером, когда он уснул, я снова залез на стол и вытащил лапой тетрадь из ящика. Она была тяжёлая. Я открыл её на первой странице и долго смотрел на его каракули в свете уличного фонаря. Я не умею читать так быстро, как он, и некоторые слова были слишком длинными. Но я понял главное. Этот дневник — не просто его фантазия. Это наша общая реальность. Мы создаём её вместе. Он пишет, а я живу. И я решил: пусть пишет. А я посмотрю, как далеко он зайдёт в своих попытках влезть в мою шкуру. И, возможно, когда-нибудь я продиктую ему свою, настоящую первую запись.

А пока что я просто лёг спать на его ноутбук. Тёплый, уютный, идеально подходящий для сна моей широкой кости. Пусть завтра ищет, почему не запускается система. Это будет моя маленькая, чисто кошачья рецензия на его литературные потуги. И первый шаг к моей собственной, пусть и вынужденной, эволюции. Я замурлыкал. Мурлыканье было долгим и задумчивым. Таким же задумчивым, как моя бу-

дущая жизнь в образе, придуманном для меня моим человеком.

Глава 2. В которой я узнаю, что энергетическое поле моего человека дырявое, как старый носок, а соседка боится моей просветлённой морды

Запись в дневнике, который я всё ещё не порвал, потому что приглядываю за развитием безумия моего стенографиста.

Прошла ровно неделя с того чёрного дня, когда мой человек, Алексей Петрович, совершил интеллектуальное преступление века, начав вести хронику моей жизни. И я должен признать — это был кошмар. Но кошмар совершенно нового, неизведанного ранее свойства. Это был не тот привычный ужас, когда в миске оказывается не тот сорт корма или когда шлейка предательски затягивается на моём благородном торсе. Нет. Это был экзистенциальный кошмар. Кошмар раздвоения личности, при котором твоя собственная личность остаётся вроде бы при тебе, но к ней приклеивается вторая, вымышленная, более красивая, более благородная и, что самое отвратительное, более привлекательная для окружающих. Я стал заложником собственного улучшенного образа.

Началось всё с утра понедельника. Понедельник — день тяжёлый не только для людей. Для нас, котов, он тоже несёт особую, мрачную энергетику. В понедельник Алексей Петрович обычно просыпается на полчаса раньше, включает свой агрегат для приготовления коричневой воды под названием «эспрессо-машина», и квартира наполняется звуками, напоминающими предсмертный хрип механического носорога. В это утро носорог хрипел особенно надрывно, а мой человек, вместо того чтобы привычно ругаться на пробки за окном, сиял, как начищенный самовар. Я сразу заподозрил неладное. Человек не должен сиять в понедельник. Это противоречит законам физики и морали.

Я лежал на своём наблюдательном посту — на спинке дивана, свесив одну лапу вниз в позе расслабленного султана, и следил за его перемещениями. Алексей порхал по кухне с какой-то неестественной грацией, напевая себе под нос. Он даже не забыл положить мне в миску добавку, причём сделал это до того, как я успел издать свой первый утренний вопль. Это было подозрительно. Слишком подозрительно. Обычно ритуал кормления требует от меня полной концентрации вокальных и тактильных средств. А тут — добровольное наполнение миски, без единого моего мявка. Это пахло заговором.

Я спрыгнул с дивана и, проигнорировав миску, последовал за ним в прихожую. Алексей стоял перед зеркалом, поправлял воротник рубашки и смотрел на своё отражение с

тем отвратительным самодовольством, которое бывает у людей, считающих, что они раскрыли какую-то великую тайну. Я сел у его ног и выразительно посмотрел в зеркало, поймав его взгляд.

— Доброе утро, о великий страж энергетических полей,
— произнёс он, подмигнув моему отражению.

Я чуть не поперхнулся собственной шерстью. Страж энергетических полей! Он назвал меня так. Вслух. Эти слова, которые он сам же и написал в своём дурацком дневнике, вырвались за пределы тетради и материализовались в реальном мире. Это было первое тревожное свидетельство того, что его литературные упражнения начали проникать в нашу бытовую жизнь. Я не просто кот Граф. Теперь я — о великий страж энергетических полей. Звучит, конечно, внушительно. Но я не просил этого повышения. У меня не было ни должностной инструкции, ни прибавки к жалованью в виде дополнительной порции лосося.

Я проводил его до двери, и, когда щёлкнул замок, остался в тишине пустой квартиры наедине со своим новым титулом. И тут я совершил ошибку. Я решил проверить, что там ещё понаписал мой биограф. Тетрадь лежала в ящике стола, который я уже научился открывать лапой. Это было несложно. Достаточно было подцепить когтем край ящика и потянуть на себя. Пара секунд — и вожаемый кожаный переплёт

у моих подушечек. Я раскрыл тетрадь на том месте, где он закончил в прошлый раз.

«Ночь. Луна висит за окном, словно кривой кошачий коготь, зацепившийся за облака. Мой человек спит, и я несую свою вахту. Сегодня я изучил его ауру. Она имеет цвет прокисшего борща с вкраплениями серого. Это тревожный знак. Его энергетическое поле дырявое, как старый носок, и моя задача — штопать его своим мурлыканьем. Я ложусь ему на грудь, туда, где у людей находится сердечная чакра, и начинаю вибрировать на частоте исцеления. Во сне он этого не понимает. Он думает, что я просто хочу его разбудить, чтобы он пошёл и открыл мне банку с кормом. О, жалкое человеческое заблуждение! Если бы я хотел есть, я бы орал. А я не ору. Я лечу. Я — мохнатый реаниматолог в полевых условиях...»

Я оторвался от чтения и уставился в стену. Мохнатый реаниматолог. Он написал это с такой серьёзностью, что мне на мгновение стало стыдно за все те разы, когда я действительно ложился ему на грудь исключительно с целью продавить мочевой пузырь до критического состояния и вынудить его встать и идти к холодильнику. Оказывается, в то время как я проводил низменную физиологическую диверсию, он, во сне, воспринимал это как сеанс эзотерической терапии. Я лечил его, сам того не зная. Моя корысть была замаскирована под высшую благодать. Это было... удобно. Чертовски удобно. Моя природная наглость получала моральное оправ-

дание в его воспалённом воображении.

Я читал дальше. Следующая запись была озаглавлена: «Этюд о мухе, или Созерцание как акт протеста». «...Сегодня в комнату залетела муха. Мой Большой Палец, вооружившись свёрнутой газетой, начал за ней гоняться, издавая боевые вопли и круша всё на своём пути. Он разбил мою любимую вазу (она мне не нравилась, но это был принцип) и сшиб со стола кружку с остатками кофе. Муха же, существо несравненно более одухотворённое, чем он, просто уворачивалась. Я сидел на подоконнике и наблюдал за этой сценой с чувством глубокого превосходства. Человек не понимает муху. Он видит в ней врага, нарушителя санитарных норм. А я вижу в ней коллегу. Она тоже любит смотреть на мир через стекло, тоже жужжит, когда недовольна, и тоже предпочитает есть то, что не успели убрать со стола. Мы с ней — представители старой, дикой гвардии, запертые в этом стерильном мире. Я не стал охотиться на неё. Зачем? Она не часть моего рациона, она часть моего мироощущения. Я созерцал её полёт, и это был мой акт протеста против его бытового насилия...»

Я вспомнил этот случай. Я действительно не стал ловить ту муху. Но не из-за какой-то там философской солидарности. Просто она была слишком быстрая и летала под самым потолком, а мне было лень прыгать. Но в его интерпретации моя лень превратилась в осознанный протест. Это начинало меня беспокоить. Он переписывал мою реальность, делая её

более возвышенной, и я, сам того не желая, начинал в эту реальность верить. Лень — это не просто лень. Это — созерцание. Жратва — это не обжорство. Это — восстановление энергетического баланса. Раздирание дивана — это не вандализм, а реконструкция исторического наследия. Оказывается, я не просто бездельник и нахлебник, я — духовный лидер, философ и целитель в одном флаконе. И этот флакон — я сам.

Я закрыл тетрадь и задвинул ящик. На душе было мутно. Я прошёлся по квартире, пытаюсь думать о чём-нибудь простом и понятном. О еде, например. Я подошёл к миске. Там всё ещё лежали остатки того самого корма с клюквой. Я съел ещё немного. Просто чтобы заглушить внутреннюю тревогу. Но тревога не заглушалась. Она росла. Потому что, съев этот корм, я вдруг поймал себя на мысли: «Я ем эту гадость не потому, что голоден, а потому, что не хочу расстраивать его дырявое энергетическое поле». Эта мысль была чужой. Она была из дневника. Я, Граф, кот, который плевал на всё, кроме собственного комфорта, вдруг озабочился чужим энергетическим полем. Его писанина начала менять меня изнутри.

К обеду вернулся Алексей. Он вошёл в квартиру не один. С ним была Мария Ивановна, соседка из квартиры напротив. Это была женщина необъятных размеров и необъятной же души, которая при любой возможности пыталась меня погладить, причём делала это с такой силой, что мои внутрен-

ние органы меняли расположение. Она пахла пирожками с капустой, нафталином и какой-то древней туалетной водой под названием «Красная Москва», которая, я уверен, была синтезирована ещё в эпоху динозавров. Я её недолюбливал. Но терпел, потому что она иногда приносила Алексею домашние котлеты, часть которых перепадала и мне.

— Ой, а вот и наш котик! — заворковала Марья Ивановна, плывая в прихожую и заполняя собой всё пространство. — Графушка, красавец! Иди, я тебя потискаю!

Я сделал шаг назад, прижимая уши. Но тут Алексей, снимая ботинки, бросил на меня странный взгляд и сказал:

— Вы, Марья Ивановна, поосторожнее с ним. Он у нас не просто кот. Он — страж энергетического поля. Медитативное существо. Вы ему ауру можете сбить своими прикосновениями.

Я замер. Он сделал это снова. Он вытащил мой «титул» на публику. Марья Ивановна остановилась, уперев руки в бока, и уставилась на меня с новым, оценивающим выражением.

— Страж чего? — переспросила она, наморщив лоб. — Ты, Лёша, опять своих фантастических книжек начитался? Кот — он и есть кот. Ему мышь дай или сметанки, и будет счастлив.

— Нет, вы не понимаете, — с жаром, достойным лучшего применения, начал объяснять Алексей, проходя в гостиную. — Это не просто кот. Это высокоорганизованная духовная единица. Он видит то, чего не видим мы. Он чувствует потоки энергии. Посмотрите на его глаза. В них — бездна.

Я, пользуясь случаем, сел в позу сфинкса и действительно уставился на Марию Ивановну. Просто чтобы посмотреть, как она отреагирует. В моих глазах, я уверен, читалась не бездна, а лёгкое желание получить кусочек котлеты, которую она, кажется, держала в сумке. Но Мария Ивановна, впечатлённая речью Алексея, вдруг отшатнулась.

— Ой, и правда, смотрит как-то не по-людски... — прошептала она, крестясь. — Может, он у тебя это... порченый?

— Не порченый, а просветлённый! — гордо заявил Алексей.

Я не выдержал. Мне стало смешно. Я решил поддержать игру. Я начал медленно, гипнотически раскачиваться из стороны в сторону, не сводя с неё глаз. Это был старый трюк, который я использовал перед прыжком на игрушку, но сейчас он выглядел как какой-то шаманский транс. Мария Ивановна побледнела.

— Лёш, убери его, а? Не нравится он мне. Ей-богу, сглазит.

Алексей рассмеялся, но смех его был каким-то нервным. Он сам, кажется, не ожидал, что его теория сработает так быстро. Марья Ивановна, забыв про соль, за которой, собственно, и приходила, быстро ретировалась за дверь, оставив нас вдвоём. Я прекратил раскачиваться и снова стал обычным котом, но в воздухе повисло напряжение.

— Видал, Граф? — сказал Алексей, садясь за стол и доставая тетрадь. — Даже люди начинают чувствовать твою силу. Я же говорил, что в тебе скрыт огромный потенциал. Надо только помочь ему раскрыться. И мой дневник — это ключ.

Я смотрел на него и думал: «Ты, Алексей Петрович, играешь в опасную игру. Ты создаёшь монстра. Не того, который с когтями и хвостом, а того, который живёт в твоей голове и постепенно захватывает мою». Но в глубине души я чувствовал странное удовольствие. Меня боялись. Меня, маленького серого кота, которого ещё неделю назад гоняли с кухонного стола мокрой тряпкой, теперь боялась соседка. И всё благодаря его фантазиям. Это было пьянящее чувство власти.

Вечером того же дня случился новый эпизод, который ещё больше укрепил меня в мысли, что дневник — это мощнейший инструмент изменения реальности. Алексей сидел на

диване и смотрел какой-то скучный фильм про людей, которые ходят в серых костюмах и говорят о деньгах. Я лежал у него на коленях, делая вид, что сплю, а на самом деле обдумывал план по захвату оставшегося без присмотра бутерброда с колбасой. Бутерброд лежал на журнальном столике, истекая ароматным маслом, и его запах сводил меня с ума. Но тут вдруг Алексей начал чесать меня за ухом. Не просто чесать, а как-то особенно, с расстановкой, словно массируя определённые точки.

— Вот здесь, — бормотал он себе под нос, — находится акупунктурная зона, отвечающая за снятие стресса. Если стимулировать её в течение десяти минут, у кота открывается третий глаз. Я читал в одной статье...

Я открыл один свой, обычный глаз и посмотрел на него. Третий глаз. Господи, спаси и сохрани мои остальные два. Он всерьёз верил, что массируя мне ухо, он активирует во мне какие-то мистические центры. Но, надо признать, чесал он приятно. Очень приятно. Я даже замурлыкал громче обычного, и этот звук, по его теории, был «мантрой, гармонизирующей пространство». Бутерброд был забыт. Я утонул в блаженстве.

— Чувствуешь, Граф? — шептал он. — Это энергия Ци поднимается по твоему позвоночнику. Ты становишься проводником космических вибраций. Весь негатив, накоплен-

ный за день, уходит в землю через твой хвост.

Я скосил глаза на свой хвост. Хвост жил своей жизнью, нервно подёргиваясь. Если через него и уходил негатив, то, видимо, очень медленно. Но мурлыкал я уже почти на ультразвуке. И в этот момент в дверь позвонили. Алексей нехотя снял меня с колен и пошёл открывать. Я, оскорблённый тем, что сеанс «космической терапии» прервали на самом интересном месте, поплёлся за ним.

На пороге стояла девушка. Я её сразу узнал. Это была Катя, коллега Алексея по работе, которая иногда заходила к нему с какими-то отчётами. Она была высокая, с длинными волосами, пахнувшими чем-то цветочным, и всегда смотрела на меня с той же смесью умиления и опаски, с какой смотрят на диких зверей в зоопарке. Я ей нравился, но она боялась меня гладить. И это было правильно. Я не люблю фамильярностей.

— Привет, Лёш, — сказала она, заходя. — Я тут документы принесла, которые ты просил. Ой, а Граф какой сегодня задумчивый!

— Он не задумчивый, — ответил Алексей, и я услышал в его голосе знакомые менторские нотки. — Он медитирует. Мы только что проводили сеанс открытия третьего глаза. Видишь, как он мурчит? Это не просто мурлыканье. Это

вибрации на частоте Шумана, которые синхронизируются с магнитным полем Земли.

Я перестал мурчать. Частота Шумана. Какая частота? Я просто мурлыкал, потому что у меня чесалось за ухом! Но Катя, вместо того чтобы рассмеяться ему в лицо, что сделал бы любой здравомыслящий человек, посмотрела на меня с внезапным интересом.

— Серьёзно? — спросила она, присаживаясь на корточки, чтобы быть со мной на одном уровне. — Я слышала, что кошки действительно могут лечить. У моей бабушки был кот, который ложился ей на больные колени, и боль проходила.

— Это электромагнитное воздействие, — подхватил Алексей, и я понял, что сейчас начнётся лекция. — Кошачье мурлыканье находится в диапазоне от двадцати до ста пятидесяти герц. Это как раз те частоты, которые используются в физиотерапии для восстановления костной ткани и снятия воспалений. Граф — это портативный генератор здоровья.

Я посмотрел на Катю. Она смотрела на меня. В её глазах читалось сомнение пополам с надеждой. Я понял, что должен что-то сделать. Либо опровергнуть этот бред, либо подтвердить. И я, вспомнив про энергетическое поле, про дырявый носок и про то, что я теперь «мохнатый реаниматолог»,

принял решение. Я подошёл к Кате и начал тереться о её ноги. Затем, для убедительности, я замурлыкал на самой низкой, утробной частоте, на какую был способен. Я вложил в это мурлыканье всю свою артистическую душу. Катя ахнула.

— Ты чувствуешь? — спросил Алексей шёпотом. — Это идёт настройка на твоё биополе.

Я тёрся сильнее. Катя протянула руку и неуверенно погладила меня по спине. Я не укусил её, хотя обычно делаю это на третьем поглаживании. Я терпел. Я входил в роль. Я был целителем. Я был Буддой. Я был генератором здоровья. И, кажется, я действительно что-то генерировал, потому что лицо Кати расслабилось, она улыбнулась и сказала:

— Знаешь, Лёш, а у меня действительно перестала болеть голова. Она болела весь день, а сейчас — как рукой сняло.

Я чуть не поперхнулся собственной слюной. У неё прошла голова! От того, что я тёрся о её ноги, выпрашивая, по сути, ласку и надеясь на угощение! Эффект плацебо, скажете вы. Самовнушение. Но для них это было чудо. Моё чудо. Я, Граф, стал чудотворцем. Алексей сиял. Катя смотрела на меня с благоговением. А я вдруг почувствовал, как на мои плечи (или, вернее, на лопатки) ложится тяжкий груз ответственности. Теперь я не просто кот. Я — система здра-

воохранения. И это было только начало.

Когда Катя ушла, унося с собой излеченную голову и моё реноме, Алексей сел за свой дневник и начал писать с удесятёрённой энергией. Я лежал рядом и наблюдал за его рукой, скользящей по бумаге. Он писал: «Сегодня мой подопечный, кот Граф, провёл свой первый публичный сеанс биоэнергетической коррекции. Пациент — молодая женщина с очевидными нарушениями в работе коронной чакры. После непродолжительного контакта с аурой моего кота, пациентка отметила значительное улучшение самочувствия. Это доказывает, что я на правильном пути. Граф — не просто животное. Это ключ к пониманию тонких материй. Я должен продолжать свои наблюдения и записи...»

Я слушал скрип его ручки и думал о том, что если так пойдёт и дальше, то к концу месяца я буду принимать пациентов по записи, а он откроет под моим именем эзотерический салон. «Салон кота Графа. Лечение мурлыканьем, снятие порчи хвостом и диагностика по содержимому лотка». От этой мысли мне стало дурно. Я решил, что нужно срочно что-то делать, чтобы вернуть всё на свои места. Нужно было напомнить ему, что я — всего лишь кот, с простыми, приземлёнными желаниями. Я спрыгнул со стола, подошёл к его новому, только что распакованному креслу, которое он купил на прошлой неделе и которым очень гордился, и начал точить о него когти. Методично, с хрустом, выдирая нитки из обивки.

Вот он, мой манифест приземлённости. Вот он, акт вандализма. Но реакция была не та, которую я ожидал. Он не закричал и не погнался за мной с тапком. Он поднял голову от тетради, посмотрел на меня с интересом и сказал:

— Ага, точишь когти. Значит, идёт выброс накопленной отрицательной энергии. Правильно, освобождай пространство. Это кресло, видимо, стояло в зоне геопатогенного излучения.

Я замер с когтями, застрявшими в обивке. Геопатогенное излучение. Он и этому нашёл объяснение. Моя диверсия снова превратилась в его глазах в акт высшей гармонии. Я вытащил когти из кресла и ушёл в прихожую, на то место, где раньше стояла моя коробка. Там было пусто. Я лёг на холодный пол и начал думать.

Я думал о том, как устроен человеческий мозг. Он не может жить без объяснений. Если он видит кота, который дерёт мебель, ему нужно объяснение. Раньше объяснение было простым: кот — вредитель. Теперь же, благодаря дневнику, объяснение стало сложным и красивым: кот — борец с геопатогенными зонами. И это новое объяснение меняло его поведение. Он перестал меня ругать. Он начал мной восхищаться. А я, лишённый привычной системы наказаний и поощрений, начал терять ориентиры. Если за драный диван не наказывают, то зачем его вообще драть? Где границы дозво-

ленного? Мир рушился.

Ночью я провёл очередной сеанс «лечения» его дырявого поля. Я лёг ему на грудь, но на этот раз не с корыстной целью разбудить, а с какой-то странной, почти человеческой нежностью. Я слушал его дыхание, чувствовал биение его сердца и думал: «Бедный мой Большой Палец. Ты так запутался в своих фантазиях, что уже не видишь реального меня. Ты видишь проекцию, голограмму, придуманный образ. А я-то — вот он, с колбасным перегаром и слипшейся на боку шерстью». И всё же, было в этом что-то притягательное. Быть чудом в чьих-то глазах. Даже если это чудо — результат недоразумения.

На следующий день Алексей решил вывести меня на прогулку. Это было знаковое событие, потому что прогулки со мной он обычно совершал с лицом мученика, ведомого на Голгофу. А тут он собирался с энтузиазмом, приговаривая: «Сегодня мы проведём полевые исследования твоей связи с природными духами». Природные духи. В парке. Я снова почувствовал, как внутри меня закипает смесь из любопытства и ужаса.

Процесс облачения в шлейку всегда был унижительным. Я не понимаю, почему люди считают, что этот ремешок, обхватывающий моё тело, может меня контролировать. Это иллюзия контроля. Если бы я хотел вырваться, я бы вырвался. Но я терплю это ради возможности выйти за пределы квартиры. Алексей надел на меня шлейку, и мы вышли в подъезд. Там,

на лестничной клетке, снова стояла Марья Ивановна, которая, видимо, караулила наш выход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.